

К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ. ВОСПОМИНАНИЯ ФРОНТОВИКА

ПРИГОТОВЬ ГРАНАТУ, МИША...

Я уже поживший человек. Мне 76 лет. Но многое еще осталось в моей памяти от военных лет. В ту пору мы были молодыми и здоровыми, легко переносили невзгоды.

Задумо до войны из-за бедности своих родителей я ушел из дому в город учиться в ФЗО. По окончании получил профессию штукатура - маляра. Потом служил в армии. В конце 1939 года, демобилизовавшись, остался жить в Ярославле. В 1940 году женился, через год родилась дочь. Так жили до осени на Востоке. Потом Ярославль начал бомбить, и открылся жеру в деревню.

До марта 1942 года был в «бронне». В этот месяц ко мне пришел на работу пред- ставитель военкомата. Тогда шел набор в воздушную десантную школу.

Не дав попрощаться с родителями, меня привезли на Московский вокзал и далее — через Москву в город, где находилась школа. Учеба нам многое дала, хотя она отнимала немало сил и здоровья.

Школу закончить мне и моим товарищам не пришлось. В декабре 1942 года воею нас подняли по тревоге. В полном боевом снаряжении мы выбежали на улицу и увидели машин. Стало ясно — идем на фронт.

Наш 19-й воздушно-десантный гвардейский полк шел на Старую Руссу. И тут пришлось лесами и болотами. Часто возникали перестрелки с фашистами.

Вот тогда я получил первое ранение. Осколок попал в левое колено и разбил его. После лечения в полковом госпитале в апреле 1943 попал в свою часть.

Подшли мы к Старой Руссе, заняли оборону у берега реки Ловать. На другом берегу — немцы. Их линия обороны была сильно укреплена. Ее прорыв стоил нам больших жертв.

В первых числах июня 1943 года из нас сформировали три роты и отправили в тыл на 6—8 километров. Там командир поставил перед нами задачу: «Убить немцев с занимаемой позиции». В ночь пошли на выполнение боевого задания.

Подошли к реке. Южные ночи светлые, а когда мы переплывали реку, немцы нас заметили и открыли огонь. На вражеском берегу велья было поднят голды — немцы вели шквальный огонь. Ползли по-пластунски. Вскоре погиб командир взвода, и я как заместитель взял командование на себя.

Мы стали приближаться к вражеским траншеям. Вдруг у меня из рук высколо рич- товку. Из правой руки пошла кровь. Я все же взял оружие и крикнул своему помощнику:

— Леша, подними взвод! Мне както не отгадал. Леша лежал на земле, и из его вика текла кровь.

Немцы полетались, мы доползли до первой траншеи. Отдыхались. В живых осталось 8 человек. С гранатами стали прорываться вперед. Вдруг нас стали об-

стреливать сзади. Оказалось, ниже была еще одна траншея — оттуда и стрелял немец. По мне прошла автоматная очередь. Вгора- тах я выпрыгнул из траншеи и покатылся под гору. У реки меня подобрала и отправила на другую берег. Я потерял сознание.

Очнулся на койке. Кругом было чисто и аккуратно. Правая рука оказалась в гипсе. Здоровой рукой стал ощущивать тело, из которого торчали различные трубки. Затем пришел врач. Я спросил:

— Как я сюда попал? Что со мной?

Он ответил, что я залез в тяжелое ранение. Лечился в Ярославле, выздоровление шло медленно. В декабре 1943 года на пересыльном пункте мне сообщили, что зачислен в нестровую часть. Три дня я жил здесь. Затем приказал какой-то старшина и я уехал с ним. Он привел меня в землянку и представил командир роты. Старший лейтенант радушно принял меня. Оказалось, мы с ним земляки. Я сказал, что зучам пулемет «Максим». Мне я дали его. Пять дней мы формировались. Немцы нам не мешали.

Вскоре по лесам, заваленным снегом, подразделение пошло на направление к Новгороду. К вечеру заняли оборону на нужном рубеже. Надо было выставить боевые охранение. Мне дали 12 бойцов. Я разбил всех сол-

дат по двое и приказал окопаться. Себе я выкопал ячею, немного вперед, чтобы можно было видеть охранение. Ночь прошла спокойно. Утром один боец привстал из укрытия на колени и обнажил себя. Немцы замедленно в его окоп полетела граната. От даче- ния он закрычал. Я подполз к нему, закрыл рот и лоткой, а ремнем летевшую раненую ногу. По цепочке вызвал санитаров. Вечером нас сменили.

На следующее утро, после сильной артиллерийки, мы пошли в наступление. Немцы были в панике, и потому первую линию мы взяли без сопротивления. А вот на второй линии противник за- сед крепко. Более того, после минометных обстрелов немцы переходили в контратаки, чтобы вернуть потерянные позиции.

Мы не отступали. Мой пу- лемет стоял на краю окоп- ки возле сосны. Оскола- мы вели огонь по противни- ку. Вечером, когда все утих- ло, мы решили сменить по- зицию, так как немец за- сек наш расчет. С трехне- го места ушли, но там остался командир взвода. И надо бы- ло так случиться, что именно в это место ударяла мина. Командир был тяжело ра- нен.

После того ко мне подо- шел командир роты и сплю- снул:

— Саша, нет ли чего у тебя перекручено? — Есть. — Мы отошли в сторону и сели у куста. Я вытаскал два сахара и посыпал пе- сокком, блин отдал командир-у. Не успели мы съесть по полпорции, как влдут мой земляк ойкнул и упал. Где- то сидел всех сол-

Вскоре немцы пошли в атаку. Бомбыми силами трудом мы отбила три контратаки. Затем ударяла наша артиллерия. Бомбы Новгород продолжались. В одном из боев мой пу- леметный расчет занял пози- цию в нестре воле желез- нодорожного полотна. Слева и справа тоже были уста- новлены пулеметы. Немцы пошли в контратаку. Мы отбавались как могли. Вдруг замолчал правый пулемет. Я понял, что нас могут око- жить. Приплось перевести огонь своего пулемета по- другому направлению. Нем- цы залетали. Но в тот мо- мент фашисты подошли близ- ко по центру. Нас обстре- дивали из автоматов. Пути были по пулемету. Одна из них попала мне в левый бок (как потом оказалось, пу- ля пробил легкое и оста- новилась в самого сердца). Другая пуля перебила мне артерию на руке. Сильно по- шла кровь. Но стрелять я не переставал.

— Миша, как с патриа- ми? — крикнул я своему помощнику. — Есть еще коробка ве- поваята, — ответил он. — Приготовь гранаты. — Минна поможи гранату перед собой, и я понял, что наступает наша последняя минута. Я стал съезжать, очевидно, потерял много крови. Схватил время отды- шал, как застрочил пулемет справа, увидел, как подо- шло подкрепление. Так еще раз судьба оставила меня в живых.

После ранения лежал в госпитале. Больше на фронт я уже не попал. А. ДУБРОВИЙ. *Иллюстрация В.В.В.*